

Филология

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19996195/71/1

Метабола в поэтике О.Г. Комаровой. Статья 1

Наталья Александровна Верхотурова¹,

Надежда Владимировна Зорина²,

Анастасия Олеговна Кока³

*^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ natverk@rambler.ru

² nad514@yandex.ru

³ kozlova.nasty2012@yandex.ru

Аннотация. Литературная карта современной русской поэзии имеет четко очерченные и авторитетные центры в Москве и Санкт-Петербурге. Творчество авторов, проживающих за пределами литературных центров, как правило, остается малоизвестным и (или) неисследованным. При этом поэтика и российской литературной периферии нередко отличается самобытностью, цельностью, философскостью и имеет безусловную краеведческую ценность, отражая историю становления и социальную проблематику того или иного региона.

В настоящей статье приведен краткий обзор актуальных исследований поэзии современной российской поэтической периферии – феномена, который авторы обозначают как русский региональный постмодернизм. Рассматриваются яркие представители русского регионального постмодернизма (О. Дозморов, Б. Рыжий, Р. Сидоров, Р. Тягунов и др.) в аспекте сходства и различия их поэтик с поэтикой и философией постмодернизма, а также в аспекте организации лирического пространства. Поэтике перечисленных представителей свойственны характерные для постмодернизма ироничность, высокая цитатность, смешение высокого и низкого и стремление вписать своего лирического героя в гипертекст мировой литературной традиции. Однако поэтика некоторых из них отличается трагизмом и серьезностью тона, что с трудом встраивается в постмодернистский канон.

Организация лирического пространства в поэзии представителей регионального постмодернизма отличается противоречивостью отношений между центром и периферией. Так, периферия может представляться источником духовного обогащения для центра, как у Б. Рыжего, который стремился сделать приметы окружающей действительности частью русской поэтической традиции. Периферия может представляться лирическому герою источником экзистенциальной тоски, вызывающей мысли о центростремительном побеге (Р. Сидоров, М. Чаткин). Лирический герой представителя регионального постмодернизма может возвышаться над оппозицией «центр – периферия», осмысляя ее в философских и логических категориях (Р. Тягунов). Наконец, периферия может существовать вне отношений с центром как самоценный феномен, нуждающийся в очищении и избавлении от стыда всех, кто к нему причастен (Г. Айги, И. Трер).

Далее авторы обращаются к непосредственному предмету исследования – поэтическому наследию томской поэтессы Ольги Григорьевны Комаровой и моделируют лирическое пространство ее сборника «Любовная песнь волчицы» (2007).

Одной из ключевых черт поэтики и идиостиля О.Г. Комаровой является метабола – сложный словесно-поэтический комплекс, призванный, по М.Н. Эпштейну, обновить возможности метафоры через экспликацию так называемого промежуточного понятия, или основы метафорического сходства.

Теоретической основой исследования является представление о метаболе как о принципиально новом тропе, впервые сформулированное М.Н. Эпштейном в его концептуальном манифесте «Что такое метареализм?».

В качестве методологической основы исследования выбран комплексный подход к изучению метабола, представленный в работах А.Е. Масалова – автора первого фундаментального труда, посвященного этому явлению в русской поэзии. Цель комплексного подхода – это объединение литературоведческих и лингвистических методов, поэтому авторами настоящей статьи применялись элементы биографического и мифопоэтического методов, лингвопоэтического, лингвостилистического и корпусного анализа текстов.

На основе проанализированного материала была создана модель организации лирического пространства в лирике О.Г. Комаровой. В лирическом пространстве Комаровой признаки реального мира трансgressируют в область фантастического в том числе посредством метабола. Литературная периферия (город Томск) в лирическом пространстве О.Г. Комаровой является лирическим центром, тогда как реальный центр литературной карты России представлен рассеянными точками-вкраплениями. Тем самым лирическая героиня Комаровой децентрализует русскую литературную карту.

В целом метаболические образы, организующие пространство в лирике О.Г. Комаровой, можно представить с помощью двух моделей: 1) реальное ↔ метабола = трансgressия ↔ фантастическое; 2) периферия ↔ метабола = трансgressия ↔ центр. Единицы метаболической образности могут быть выражены с помощью различных синтаксических отношений, но могут и являться синкретичными, и только тщательная деконструкция символической и смысловой нагрузки поэтической ткани позволяет выявить наличие метабола.

Исследование метаболической образности – это перспективное направление для дальнейших филологических изысканий. Метабола может быть изучена как с точки зрения ее формальной организации и типологии, так и в аспекте ее эстетического функционала в творчестве современных поэтов, принадлежащих к различным литературным направлениям.

Ключевые слова: современная русская поэзия, сибирская поэзия, томская поэзия, О.Г. Комарова, постмодернизм, метабола, метаболическая образность

Для цитирования: Верхотурова Н.А., Зорина Н.В., Кока А.О. Метабола в поэтике О.Г. Комаровой. Статья 1 // Язык и культура. 2025. № 71. С. 8–31. doi: 10.17223/19996195/71/3

Original article

doi: 10.17223/19996195/71/3

Metabole in Olga G. Komarova's poetics. Part 1

Natalia A. Verkhoturova¹, Nadezhda V. Zorina², Anastasia O. Koka³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

¹ natverk@rambler.ru

² nad514@yandex.ru

³ kozlova.nasty2012@yandex.ru

Abstract. The literary map of contemporary Russian poetry is distinctively and unquestionably centered around Moscow and St. Petersburg. The authors born and living

outside the 'literary centers' most commonly remain little-known and/or undiscovered. However, the poetics of the Russian literary periphery is frequently notable for its originality, integrity, and philosophical nature. Additionally, Russian peripheral poetry bears significance for local cultural studies as it reflects the history and social issues of a particular region.

This article provides a brief overview of the current studies on the contemporary Russian peripheral poetry – a phenomenon that the authors designate as Russian regional postmodernism. The authors review a number of prominent figures in Russian regional postmodernism – namely, Oleg Dozmorov, Boris Ryzhy, Ruslan Sidorov, Roman Tyagunov, etc. – in terms of both similarities and differences between their poetics and the poetics and philosophy of postmodernism, as well as the organization of lyrical topos. The poetics of these representatives are characterized by the irony, high quotability, a blend of the high and low, and the desire to fit their lyrical subject into the hypertext of the global literary tradition – features that are quintessential to postmodernism. At the same time, the poetics of some are marked by tragedy and a serious tone, which aligns poorly with the postmodernist canon.

The organization of lyrical topos in the poetry of regional postmodernists is defined by contradictory relations between the center and the periphery. Thus, the periphery can be perceived as a source of spiritual enrichment for the center, as exemplified by Boris Ryzhy, who sought to integrate the features of his surrounding reality into the Russian poetic tradition.

The periphery may appear to the lyrical subject as a source of existential longing, evoking thoughts of abandoning it in favor of the center (Ruslan Sidorov, Mikhail Chatkin).

The lyrical subject of a regional postmodernist can rise above the "center – periphery" opposition, interpreting it in philosophical and logical categories (Roman Tyagunov).

Finally, the periphery can exist independently of its relationship with the center, as a valuable phenomenon in its own right, requiring everyone associated with it to cast aside shame and take pride in being its part (Gennady Aygi, Iosif Trer).

The central focus of this study is the lyrical poetry of Olga G. Komarova, a poetess who currently lives and works in Tomsk, West Siberia. The authors model the lyrical topos of Komarova's poetry collection "Love Song of the She-Wolf" (2007). Komarova's poetics and individual style appear to be rich with metabole – an intricate verbal-poetic complex. According to Mikhail Epstein, metabole is designed to broaden the functions of metaphor through the explication of so-called "intermediate concept", or the metaphorical ground.

The theoretical background of the research is the concept of metabole as a fundamentally new trope, first introduced by M.N. Epstein in the conceptual manifesto "What is Metarealism? "

The methodology of this study is based on the integrated approach to metabole formulated by Alexey Masalov. The latter is the author of the first fundamental work devoted to Russian poetic metabole. The purpose of the integrated approach is to combine literary and linguistic methods, therefore, the authors applied the techniques of biographical method and mythopoetic modeling combined with linguopoetic, stylistic, and corpus analyses.

This approach allowed for designing a model of the lyrical topos in Olga Komarova's poetry where the features of the real world transgress into the realm of the fantastic by means of metabole. The literary periphery – the city of Tomsk in Komarova's case – becomes the center of her lyrical topos, while the "real" center of the Russian literary map is represented by randomly scattered points. Thus, Komarova voluntarily decentralizes the Russian literary map.

As for the metabolic imagery of Komarova's lyrical topos, it can be represented via two models: 1) real ↔ metabole = transgression ↔ fictional/mystical; 2) periphery ↔ metabole = transgression ↔ center.

Units of metabolic imagery can be expressed through various syntactic relationships, but they can also be syncretic. Only a careful deconstruction of the symbolic and semantic weight of the poetic fabric allows for the identification of a metabole.

The study of metabolic imagery is a promising area for further philological research. Metabole can be studied both in terms of its formal organization and typology, as well as its aesthetic function in the works of contemporary poets belonging to various literary movements.

Keywords: contemporary Russian poetry, Siberian poetry, Tomsk poetry, Olga G. Komarova, postmodernism, metabole, metabolic imagery

For citation: Verkhoturova N.A., Zorina N.V., Koka A.O. Metabole in Olga G. Komarova's poetics. Part 1. *Language and Culture*, 2025, 71, pp. 8–31. doi: 10.17223/19996195/71/3

Введение

Настоящая статья – это попытка включить российскую периферию в литературную карту современной русской постмодернистской поэзии. Цель исследования – описать поэтику метаболы в творчестве томской поэтессы О.Г. Комаровой и смоделировать пространство, в котором существует ее лирическая героиня и которое конструируется в том числе при помощи метаболической образности и единиц ее выражения.

Постмодернизм – многоуровневая парадигма индивидуального и социального мышления, которая проявляется в различных сторонах человеческой деятельности, включая философию, науку и искусство. Как отмечает Н.А. Ловчинский, среди ключевых характеристик литературного постмодернизма можно перечислить плюрализм взглядов, условность норм, фрагментарность, поиск неочевидных связей (или ризоматику [1. С. 39]), а также высокую цитатность, иронию и жесткую привязанность идеи или цитаты к контексту [2. С. 95]. По мнению исследователя, то, что многие литературные критики склонны говорить о «смерти» постмодернизма и его замене на парадигмы метамодернизма или постпостмодернизма (см., например, пристатейную библиографию в [3]), является несколько поспешным суждением. Постмодернизм жив, пока существует постиндустриальное общество с его множественностью информационных потоков [2. С. 95], дающее предпосылки к существованию причудливой художественной реальности, где задача разделения правды и вымысла отличается высокой сложностью.

Существует множество исследований русской постмодернистской литературы, в том числе поэзии (например, труды И.С. Скоропановой [2], Л.В. Зубовой [4], М.Н. Липовецкого [5]). Вместе с тем большая часть фундаментальных литературоведческих и лингвистических изысканий несколько ограничена в пространственных рамках. Литературная карта русского поэтического постмодернизма (или маршрут, по И.С. Скоропановой [1. С. 145]) имеет два обозначенных центра притяжения – Москву

(Нина Искренко, Тимур Кибиров, Денис Новиков, Дмитрий Пригов, Олег Чухонцев и др.) и Ленинград – Санкт-Петербург (Андрей Битов, Иосиф Бродский и др.). Так, в разделе «Постмодернистские тексты» цитируемого пособия И.С. Скоропановой четко видна география издания этих текстов – преимущественно всё те же Москва и Санкт-Петербург [1. С. 586–592]. Если же автор рождается за пределами центров ремесла (как, например, Тимур Кибиров), он стремится стать их частью: например, в исследовании И.Л. Галинской Кибиров назван «представителем московского концептуализма» [6. С. 59].

В силу этого представляется естественным, но не вполне справедливым, что исследования, посвященные становлению и развитию региональной постмодернистской поэзии в России, практически не публикуются: так, выборка публикаций с портала Cyberleninka за последние 5 лет содержит около 520 результатов по запросу «региональный постмодернизм» в разделе «Языкознание и литературоведение». Эти публикации в основном представляют собой 1) результаты деконструкции прозаических произведений или рок-поэзии; 2) труды, посвященные литературе сопредельных государств России; 3) фундаментальные исследования, в которых ставится вопрос о сложности и даже невозможности категоризации современных российских литературных процессов.

Поэт может не попадать в центр литературного процесса и тем не менее оставаться его полноценной частью, создавая цельные и нетривиальные произведения. Любопытно, что при тенденции к централизованности русского искусства в целом и литературы в частности «запрос» на приоритет провинции над центром сохраняется в российском общественном сознании и проявляется в самых неожиданных аспектах – например, в анархо-примитивистских объединениях, где провозглашается бегство из центра страны на лоно природы [7], или в блогосфере фотографов и трэвел-журналистов, занимающихся поэтическим бытописанием российских регионов, в особенности отдаленных или заброшенных населенных пунктов (проекты «Варандей» [8] или «Неизвестная Россия» [9]).

Среди исследований, посвященных региональному поэтическому постмодернизму (здесь и далее этим термином будем обозначать условную общность современных российских поэтов, которые длительное время жили и занимались творчеством или продолжают это делать за пределами литературных центров), можно назвать прежде всего ряд работ о поэтике Бориса Рыжего, показавшего литературным критикам поэтический Свердловск – Екатеринбург (например, критические статьи О. Славниковой [10] или А. Мельникова [11]). Борис Рыжий хорошо известен своей попыткой вписать приметы российского региона в систему образов русского поэтического канона. В его текстах среди высоких и традиционных романтических образов мелькают Вторчермет (жилой

район Екатеринбурга), Пластполимер (завод там же), ШРМ (Школа рабочей молодежи), лабиринты фабричных дворов, встроенные в мотивы прощания, памяти и тоски.

Менее известен российскому читателю екатеринбуржец Роман Тягунов. В немногочисленных исследованиях, посвященных Тягунову, преобладает биографическое начало (см., например, [12] или [13]). В творчестве Р. Тягунова, как и в поэтике Б. Рыжего, выстраивается постмодернистское пространство провинции, хотя и имеет иной характер – иронического и цитатного осмысления бытовой и экологической катастрофы: *Будь счастлив, что живёшь в глуши! / Пиши кому и что попало, / Но так, чтоб письма не пропали, / Чтob из таёжного подвала / Дошли до глубины души. / Будь счастлив быть наедине / С природой, взятой под охрану: / Обогащай себя ураном / И пой, взлетая над Уралом – / «Напоминают мне оне!»* [14].

Лирический герой соотечественника Б. Рыжего и Р. Тягунова Олег Дозморov, по мнению литературных критиков, «может быть определен через три понятия: память, из которой он состоит, вина, которая им движет, и безнадежность, в экзистенциальном смысле, которая все покрывает в сухом остатке» [15]. В отличие от лирических героев Рыжего и Тягунова – певца фабричных дворов и иронизирующего философа соответственно – герой О. Дозморова в осмыслении провинциальной России достигает трагической ноты: *Я «ГОРЕ ЛАПТЕВЫХ» на карте прочитал / Понятно, что очитка, горе – море, / а всё-таки вот Лаптевы, вот горе, / и я ничем не помогал* [16].

Среди других ярких фигур регионального поэтического постмодернизма можно отметить новокузнецчан Сергея Озерова [17], Руслана Сидорова [18], Михаила Чаткина [19]. Поэтика Сидорова и Чаткина отличается выраженным стремлением к мандельштамовской «тоске по мировой культуре» и желанием вычеркнуть себя из провинциального пространства. Так, на одной из творческих встреч Руслан Сидоров, комментируя свои стихотворения, выпукло обозначал се отсылки к мировой культуре и старался утвердить свою связь и причастность к ним: «Для меня события – это не люди, а книги. Вот я Розанова читал – это было для меня событие» (цитата приводится по видеозаписи «Вечер Руслана Сидорова 23.11.2010» в виртуальном сообществе памяти поэта [20]). Сам же Новокузнецк, как отмечает критик Валерий Немиров, к лирическому герою поворачивается преимущественно своей темной стороной: *Город, построенный на погосте своих строителей* (цит. по: [21]). Сидорову вторит и М. Чаткин, трансформировавший свою поэзию в рок-тексты для инди-проекта «Наитие»: *Города, выросшие из тюрем для политзаключенных, / И через триста лет не меняют своих убеждений, / Во всем остальном мире уже давно разоблаченных* (композиция «Май» [22]).

Диаметрально противоположную оценку пространству периферии дают чувашские поэты-постмодернисты Геннадий Айги и Иосиф Трер. Как отмечает исследователь чувашской поэзии М.В. Кирчанов [23], И. Трер достаточно радикально переосмысляет вопрос о национальном сознании в современной реальности. Поэт формулирует нарратив о светлом будущем «чувашского мира» и визуализирует национальную идентичность, обусловленную, по его мнению, тесной связью народа со своими корнями и недопустимостью чувства этнического стыда: *Есть в нашем народе корни древности, / Может быть, поэтому в крови песня будущего?; Забыв о дедушке и бабушке / Стыдась самих себя / Мы сами себя унижаем* (дословный перевод цит. по: [23. С. 271]).

Как отмечает культуролог М.Ф. Ершов, локальному пространству России свойственна диффузионность противоположных социальных процессов: с одной стороны, в провинции формируются ключевые для центра смыслы, которые впоследствии становятся социальной доминантой, с другой – провинция неизбежно отстает от центра, являясь «ничейной землей» с традиционным укладом жизни [24. С. 17–18]. Это наблюдение вписывается в пунктирную характеристику поэтики регионального постмодернизма, приведенную нами выше.

Таким образом, можно говорить о том, что региональный постмодернизм современной России – это широкое поле для исследований как в аспекте персоналий, так и для осмысления и моделирования его поэтики. Исследования регионального постмодернизма, безусловно, не ограничиваются перечисленным выше, однако выборка трудов, как было отмечено, всё же незначительна по сравнению с аналогичными изысканиями для центра литературной карты.

Методология исследования

Теоретико-методологическая основа настоящего исследования – осмысление метабола в отечественной теории литературы и лингвистике. Понятие метабола введено в научный оборот и в литературный канон М.Н. Эпштейном в конце XX в. В своем манифесте «Что такое метареализм?» Эпштейн ставит вопрос о метареализме как о принципиально новом стилевом направлении в русской литературе, представителями которого были, например, В. Аристов, А. Парщиков, О. Седакова [25]. Метареалисты стремились реализовать запрос позднесоветской интеллигенции на обновление заштампованного соцреалистического подхода. С точки зрения содержания метареализм или выпукло показывал иллюзорность вещей, или, напротив, срывал покровы, демонстрируя философскую, метафизическую глубину окружающего мира. С точки зре-

ния формы представители метареализма «переходили от условного подобия вещей к их реальной взаимопричастности... то есть от метафоры – к метаболе» [25].

М.Н. Эпштейн дает следующее определение метаболе: «Метабола – это образ, не делимый надвое, на прямое и переносное значение, на описанный предмет и привлеченное подобие, это образ двоящейся и вместе с тем единой реальности... Здесь нет “уподобляемого” и “уподобляющего”, реального переднего плана и условно-иллюзорного заднего, нет деления слов на “исходные” и “результатирующие”, значений – на прямые и переносные... Но есть растянутое на весь объем реальности П – превращение, переход, промежуток, в котором уместается все: между тяжестью и нежностью, между морем и дождем, между ночью и небом, между деревом и вихрем» [26. С. 76]. Эпштейн рассматривает приблизительную структуру метабола как обновленной сложной метафоры, опираясь на положения «Общей риторики» Ж. Дюбуа: «Мы можем описать метафорический процесс следующим образом:

$$И > (П) > Р,$$

где И – исходное слово, Р – результирующее слово, а переход от первого ко второму осуществляется через промежуточное понятие П, которое никогда в дискурсе не присутствует... Метабола – это именно выведение в дискурс промежуточного понятия П, которое становится центральным, объединяет удаленные предметные области и создает непрерывный переход между ними. Формула метабола:

$$И \diamond П \diamond Р,$$

где Исходное и Результирующее взаимообращаются через выведенное в текст Промежуточное» [26. С. 76].

Поэт и литературный критик К. Кедров ввел понятие «метаметафора» для схожего явления – тропа, основанного, в отличие от метафоры, не на сравнении, а на отождествлении: «У Парщикова не сравнение, не уподобление. Он и есть все то, о чем пишет. Здесь нет дерева отдельно от земли, земли отдельно от неба, неба отдельно от космоса, космоса отдельно от человека. Это зрение человека вселенной. Это метаметафора» [27].

В дальнейшем исследователи, занимавшиеся феноменом отождествляющего тропа, использовали или термин «метабола» вслед за М.Н. Эпштейном, или термин «метаметафора» вслед за К. Кедровым. Так, О.И. Северская использует термин «метаметафора», считая метаболу усложненной метафорой, которая становится строительным материалом для моделирования, «достраивания» мира. По мысли исследовательницы, такая номинация «представляет итог глубокой и обдуманной

системы «переназывания» – авторского «перевода» семантики непрозрачных наименований, данных в языке» [28]. По мысли О.И. Северской, «на сегодняшний момент представляется возможным говорить скорее о разработке методологии поэтического языка, создающего основу для результативного его сближения с языком науки, нежели о реальной гносеологической мощности создаваемого научно-поэтического аппарата» [28].

В своей публикации «Метафора. Метаметафора. Метабола» Е.В. Степанов демонстрирует процесс становления новой терминологической системы в поэзии XX в. [29]. Он подробно описывает историю происхождения термина «метабола» в отечественной науке. Автор утверждает: «Кедров и Эпштейн точно выразили возникшее явление, сформулировали потребность его зафиксировать и осмыслить. Они развили тезу В.М. Жирмунского о поблекших метафорах, показав, что любая троповая система, если не самообновляется, с течением времени устаревает и тогда проявляет (во многом!) дисфункциональную антиэстетическую и антивыразительную доминанту» [29].

Феномен метабола был изучен и проиллюстрирован на разном материале. Так, метабола была подробно рассмотрена современным филологом и критиком А.Е. Масаловым, который впервые проводит ее комплексное исследование. В своей диссертации «Морфология метабола в поэтическом языке метареализма» исследователь описывает процессы, происходящие в русскоязычной поэзии конца XX – начала XXI в. [30]. Л.И. Белехова анализирует словесный образ-метаболу на материале американской поэзии постмодерна [31].

По мысли А.Е. Масалова, можно говорить о двух путях анализа метабола: лингвистическом анализе и анализе с позиции теоретической и исторической поэтик, т.е. подходе литературоведческом. Наиболее продуктивным исследователю представляется объединение двух этих подходов.

Опираясь на результаты полемики о метаболе/метаметафоре и метареализме в отечественных критике и теории литературы, А.Е. Масалов дает следующее современное определение метабола: «Можно считать, что метабола – это тип контаминирующего тропа, в котором за счет механизма реализации метафоры могут возникать отношения синкретизма, синтеза и тождества разнородных явлений» [30. С. 5].

Аналогичное толкование метабола можно увидеть и в трудах Л.И. Белеховой: «Формирование нового вида СПО (под которым исследователь понимает словесно-поэтический комплекс. – *Авт.*) – метабола – вызвано тенденциями стихотворной речи к конвергенции, которая выражается в концентрации тропов и активизации стилистических фигур в пределах определенного отрезка поэтического текста, и дивер-

генции, проявляющейся в рассредоточении образов по всей ткани поэтического текста, в лишении образа предметно-чувственной конкретности [31. С. 21].

Опираясь на предложенный А.Е. Масаловым комплексный подход к метаболе, в настоящем исследовании авторы использовали как отдельные приемы литературоведческих методов, так и элементы лингвистического анализа. Так, при изучении феномена томской поэтессы Ольги Григорьевны Комаровой мы обратились к биографическому методу, а именно: устанавливали связи жизненного пути автора с его творчеством посредством обращения к биографическим и архивным данным, критическим статьям, а также вели личную переписку с автором (О.Г. Комарова выразила согласие на использование материалов переписки для проведения данного исследования). При деконструкции символизма поэзии Комаровой мы использовали мифопоэтический и культурно-исторический методы, анализируя результаты исследований, посвященных архетипам и символам в русской поэтической традиции, а также краеведческие материалы о Сибири и Томске. Наконец, при описании и характеристике единиц метаболической образности в сборнике «Любовная песнь волчицы» мы задействовали элементы лингвопоэтического, лингвистического и корпусного анализа текстов.

Исследование и результаты

Поэтесса Ольга Григорьевна Комарова родилась в 1957 г. в Ижевске. Поворотным событием ее детства был побег вместе с матерью в Томскую область, которая стала для семьи новым домом. Комарова с юности занималась в литературных объединениях города и в итоге связала свою жизнь с поэтическим творчеством. Критики отмечают высокую техничность ее слога, исповедальность поднимаемых тем и идей, что сближает творчество Комаровой с конфессиональной поэзией, а также высокую цитатность и условность, фантазмагоричность описываемой поэтом реальности, что позволяет отнести ее творчество к поэтике российского регионального постмодернизма [32]. У Комаровой вышло три книги стихотворений: «Вечные странники» (1999), «Любовная песнь волчицы» (2007) и «Ангел в ватнике» (2019). В настоящем исследовании мы анализируем метаболическую образность стихотворений из сборника «Любовная песнь волчицы» [33] и предпринимая попытку моделирования лирического пространства в поэтике О.Г. Комаровой.

Поэтика О.Г. Комаровой. Стихотворение Комаровой «Корни» можно назвать программным. Его название является смыслообразующим. Лирическая героиня, подобно растению, прорастает корнями в окружающий пространственно-предметный мир. Сибирская принадлежность автора ассоциируется с природным ландшафтом Томской области, который

появляется в ее стихах: *капли красные по болотинам, бабмачок Венеры, кедры, болото.*

В стихотворении «Корни» поэтесса заявляет и об общебытийной принадлежности. Судя по самоопределению лирической героини, она ощущает себя человеком вселенной (*астронавтка*), оставаясь при этом россиянкой, удмурткой, сибирячкой (*вырастала с сибирскими ханты*), томичкой. Такое мироощущение влияет не только на темы стихотворений, но и на их образный строй. Ощущая себя *египтянкой* и *скандинавкой*, Ольга Комарова виртуозно вплетает в повествование реалии и мифологемы этих культур, формируя систему образов: *Долголицею египтянкой, / Ольгоolikoю скандинавкой / вырастала с сибирскими ханты / я, удмуртка и астронавтка.*

Ольга Комарова демонстрирует панорамность восприятия Томска. Город детства поэтессы предстает как реальное пространство, в которое включены вполне узнаваемые городские объекты. В стихотворении «Московская осень» появляется вокзал Томск-I (*А в Томске – первом, на вокзале / снег по колено*). *Никитка* в одноименном стихотворении – это улица Никитина, на которой еще несколько лет назад находился известный на весь город фотосалон «Улыбка»: *Я по Никитке ползу улиткой / до пятахатки. / Иду в «Улыбку» – на память фотку – / теперь солдатка я.*

В ходе индивидуально-творческого преломления свойств и признаков привычных предметов, явлений и событий жизни Томска создается новый ракурс их видения. В результате художественного освоения действительности возникает образ другого, фантастического Томска. Так, в ряде стихотворений посредством метабола проявляется ряд перевоплощений, которые нельзя объяснить с точки зрения законов логики.

В описании Томска появляются вполне реальные и знакомые городские объекты (*Черемошки* или микрорайон Черемошники – часть Ленинского района Томска, улица Восточная, улица Чкалова), которые соседствуют с объектами вымышленными, мифологическими.

В стихотворении О. Комаровой «Баллада об электрическом транспорте» фантастический образ Томска ассоциируется с различными реалиями / мифологемами. Так, в одном из четверостиший появляется символ *восьмерка*, который интерпретируется автором как «круг жизни»: *Город озвучен трамвайными звонами, / опутан восьмерками железных рельсов, / пронизан насквозь голубыми вагонами, / прописан среди красных вагонов – весь / город трамвайный.* Как пишет сама О.Г. Комарова в послесловии к сборнику «Любовная песнь волчицы», ее «детство и юность прошли в выписывании кругов и восьмерок между Сибирью и европейской частью России» [33. С. 158].

Другой яркий символ, который поэтесса реализует в «Балладе об электрическом транспорте», – трамвай. Представляется, что этот вид

транспорта несет в себе важную для русской культуры XX в. коннотацию. Символ нагружен разными ассоциациями: «Обладающий душой и речью, похожий на передвижной зверинец, на комету или звезду, на дракона и жар-птицу, причастный к природным стихиям, уподобленный планете Земля и ведомый Вагоновожатым – Временем» [34].

В стихотворении О. Комаровой пространство города становится подвластно трамваю – неотъемлемому атрибуту городской жизни. В основе такого метаболического перевоплощения лежит как реальный факт – трамвай существенно сокращает время передвижения, так и факт ирреальный – трамвай становится проводником в другой мир: *Может, я жизнь начинаю с нуля? / Может, за счастьем своим качаюсь?! / За четыре кровных российских рубля / совершаю турне из конца в начало.*

Трамваю подвластно как время, так и пространство. Подобно трамваю Н.С. Гумилёва, этот вид транспорта в стихотворении Комаровой несется в неизвестное будущее. Фантастический полет трамвая сравним с полетом дракона – метаболическим образом, который появляется в последнем четверостишии и выносит лирическую героиню в другое измерение времени и пространства, нарушая все законы земной жизни.

Метаболическая образность в поэтике О.Г. Комаровой. Из определения термина «метабола» следует, что она представляет собой сдвиг сразу в двух областях семантической структуры: референта и смысла (значения) [35. С. 124]. Примером моделирования метабола может служить последнее восьмистишие из стихотворения О. Комаровой «Баллада об электрическом транспорте»: *До Восточной доеду, поверну в обход – / до Драконьего города, / вдоль Черемошек, / по шпалам, / по шпалам.*

Подобный сдвиг в значении выражения *Драконий город* осуществляется за счет отношений синкретизма между членами метабола: Томск реальный ↔ дом с драконами/Драконий город ↔ Томск фантастический. Дом с драконами в глазах лирической героини становится точкой соприкосновения двух миров (Томска реального и Томска фантастического), своего рода порталом из одного в другой. Таким образом, посредством метабола происходит трансгрессия – некий прорыв за установленные пределы, преодоление непреодолимой границы, что влечет за собой гносеологические изменения в восприятии мира. Понятие трансгрессии является одним из ключевых в философии постмодернизма [36].

Благодаря метаболе реальный архитектурный объект Томска – доходный дом учителя Б.А. Быстржицкого, который горожане называют «домом с драконами», – переходит и в разряд объектов вымышленных. Синтез реального (городское строение) и мифического (образ драконов) позволяет автору создать новый объект – Драконий город, который хорошо вписывается в фантастическое пространство Томска.

Подробнее остановимся на образе драконов и на доме с драконами, являющимся ярким примером деревянной архитектуры Томска, т.е. одним из символов Томска, его отличительной чертой. Основными версиями происхождения драконьих голов на доходном доме учителя Б.А. Быстржицкого являются китайская и норвежская.

Согласно первой версии, Томск был основан в год Дракона (1604 г.), и архитектор, будучи знаком с древнекитайской культурой, стремился завершить постройку к 300-летию города, т.е. к 1904 г. – году синего Дракона. Поэтому все декоративные детали дома, включая головы драконов, должны были иметь голубоватый оттенок [37. С. 6].

Согласно второй версии, томский особняк унаследовал отличительные черты народной архитектуры Скандинавских стран, где образы драконов использовали как обереги. Норвежский «стиль драконов», являющийся примером архитектуры северного модерна, распространился в конце XIX – начале XX в. не только в Европе и европейской части России, но и в Сибири. Его особенностью считается изображение стилизованной головы дракона на коньках крыш. Доходный дом учителя Б.А. Быстржицкого, ныне располагающийся по адресу ул. Красноармейская, 68, был построен именно в этот период под влиянием северного модерна – в 1910-х гг. по проекту архитектора В.Ф. Оржешко. Согласно исследованию П.В. Залесовой и соавт. [38], здание отражает мотивы Императорского охотничьего замка кайзера Вильгельма II, которые норвежские архитекторы построили для него в Германии.

Сочетая мифологемы разных культур (древнекитайской и скандинавской), образ драконов является сложным и многослойным сам по себе, но О. Комарова вписывает его в метаболический образ *Драконий город*. Это представляется неслучайным: такая символичность расширяет пространство Томска до пространства мира с непрерывным диалогом культур, в центре которого находятся Томск и Россия, до пространства вселенной. Такой прием прослеживается в нескольких произведениях сборника «Любовная песнь волчицы». Многие из них размещены в части, которая носит название «Русская ментальность». Например, в стихотворении «Корни» в такое путешествие из конкретной, подробно описанной точки пространства Томской области отправляется душа (*выше кедров ее уносит*). Такую особенность творчества О. Комаровой отмечает и критик И.С. Бельшева: «Эти образы (из стихотворений О.К. – Авт.) отражают восходящее и нисходящее движение по хребту поэтического Духа, сканирующего творимое в душе и мире» [39].

В поэтике О. Комаровой путешествие часто сопровождается упоминанием характерных для него реальных средств передвижения (*трамвай*) и сопутствующих деталей (*шталы*). В стихотворении «Луна. Минарет. Муэдзины» таким средством и снова многослойным символом, вво-

дящим метаболический образ, является *корабль*: *Луна. Минарет. Муэдзины. / Знакомые с детства картины, / зовущие плыть на восток. / Корабль души – Заисток.*

Стихотворное четверостишие отсылает нас к томским реалиям / мифологемам. Метафора *корабль души* входит в структуру метаболы, которая образует стилистическую доминанту стихотворения. В этом произведении сближаются разнородные образы, благодаря чему происходит синтез не только разнообразных деталей мира, но и разных порядков опыта.

В пространстве Томска смешиваются не только разные объекты физического мира – *минарет* и *муэдзины*, которые одновременно действительно существуют в Татарской слободе Томска (Белая соборная мечеть), обозначенной в стихотворении О. Комаровой как *Заисток*, но и объекты мира духовного – разные религии (христианство и ислам). Возможно, здесь есть некоторое противопоставление: Томск вместе с лирической героиней стихотворения олицетворяют христианство, но *Заисток* в Томске является отправной точкой в другой мир, где зовут *плыть на восток* и есть даже *корабль души*. Этот корабль связывает два мира – физический и духовный, подчеркивая, возможно, что духовное путешествие важнее или что всякое путешествие в реальном мире начинается с путешествия души. Томская метабола из этого стихотворения расширяет пространство как до России, где сосуществуют разные религии и традиции, так и до мира Россия – Восток. Если не принимать во внимание метаболу, то пространство в стихотворении выстраивается по вертикали, сверху вниз: над городом находится *луна*, ниже *минарет*, потом историческая часть Томска, Татарская слобода – *Заисток*, или Заисточье. Получается, что благодаря такому вертикальному описанию и метаболе пространство в этом произведении расширяется одновременно и вертикально, и горизонтально – во все стороны, подобно образованию Вселенной из точки в результате Большого взрыва. В произведении О. Комаровой эта точка, этот центр – Томск, что характерно для регионального постмодернизма.

Стоит уделить особое внимание слову *муэдзины*, которое О. Комарова использует в первой строке стихотворения. Если *минарет*, согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), имеет IPM (частотность) ~2,38 и потому считается редким, то *муэдзин* с IPM ~ 0,42 – очень редким [40]. Факт его использования в поэтическом тексте отсылает нас не только к реальным архитектурным сооружениям и многоконфессиональности России и Томска в частности, но и к истории мусульманского образования в Западной Сибири (в 1877 г. в Томской губернии было четыре низших магометанских учебных заведения), в том числе безуспешной политике Российской империи по его ликвидации [41]. Таким образом, метафора *корабль души – Заисток* объединяет разное пространство и время. Вероятно, корабль, как устаревшее средство передвижения

по сравнению с ранее упомянутым трамваем, является символом, отсылающим нас к тому времени, когда христиане и мусульмане только начинали соседствовать на одной территории.

Метаболическое сращение образов Томска и Древнего Египта – еще одна отличительная черта лирического мировоззрения и авторского пространства Ольги Комаровой. Стихотворение «Томск египетский» – это сложное с точки зрения образности произведение, в котором переплетаются признаки древнеегипетской мифологии со значимыми приметами города Томска. В нем можно проследить множество образов-примет Томска, которые широкими штрихами визуализируют следующие составляющие городского пространства: 1) рельеф (*подземелья, узенькие улочки, метро* – в Томске нет метрополитена, но многие историки и краеведы отмечают неестественность томского ландшафта и предполагают, что на месте современного Томска некогда стоял древний город Грустина, часть которого находилась под землей [42]); 2) веру и религию томичей (*Белая мечеть, белые храмы*); 3) флору Томской области (*кандыки, голубые ели*); 4) особенности томского лета (*белые ночи* – речь идет о периоде навигационных сумерек, который устанавливается в городе приблизительно с конца мая по середину июля); 5) томский символ образования (*alma mater* – для томичей это латинское словосочетание, означающее в переводе на русский язык «кормящая мать», чаще всего ассоциируется с Томским государственным университетом – одним из старейших учебных заведений за Уралом, которое дает значительную часть рабочих мест жителям города. Такое же название носит университетская газета); 6) гидросистему города (упоминаются как действующие реки – *Томь, Ушайка*, так и хранится память об исчезнувших – *Игуменка*); 7) памятники и улицы Томска (*Чехов, Бакунин, Клюев*); 8) следы политических репрессий в Сибири (*Бакунин, Клюев, Шпет*).

Образы городских реалий/мифологем метаболичны не только потому, что Комарова синтаксически связывает их с чередой древнеегипетских образов с помощью как субъектно-объектных, так и атрибутивных отношений (*крокодилы* замечают следы криминальных *разборок*; бог *Тот* клюет с руки *alma mater*; новая краснокирпичная застройка Томска напоминает поэтессе о фараонах, рождая образ *красных дворцов фараоновых*). Система томских реалий метаболична сама по себе. Например, упоминания анархиста Бакунина или поэта Клюева формируют как локальный денотат (томские улицы носят их имена), так и общекультурный (Бакунин и Клюев как реальные деятели – жертвы репрессий, сосланные в Томск), вновь расширяя пространство Томска до общероссийского.

Что же касается поэтического метаболизма Томска и Древнего Египта, то его можно охарактеризовать как амелиоративно-пейоративный миф Комаровой. Логика этого мифа в том, что, сочетая томские и

египетские реалии / мифологемы, поэтесса одновременно романтически возвышает Томск как город возможностей (*Египтяне бы здесь колесили, / Кабы не холод; Бог Тот / с ибисовой головой / клюет с руки alta mater, / кормящей многих*) и обнажает язвы провинциального сибирского города, проживающего постсоветский кризис: *Кавалькада мерсов (Т), по асфальту днищем / выползающих / на разбой (Т). / Город-гуляка. Его метро (Т), / гаражи (Т), ступеньки(Т) ведут к Нилу (Е). / Содержимое рек (Т) его, / подземелий(Т) его нутро / пахнет трупами (Т, Е). <...> / Жаль, что нет крокодилов(Е) – / санитаров рек (Е) – / они б заматали хвостами зелёными (Е) / следы разборок (Т).* (Литерами «Т» и «Е» обозначены томские и египетские реалии / мифологемы соответственно.)

Комарова, создавая свой фантазийный, фантазмагорический Томск, вновь стирает границу – на этот раз между реальным Томском и мифами Древнего Египта. Так, за глаголом *ведут* заканчивается Томск и начинается Нил – конечная точка комаровского путешествия всегда непредсказуема и ризоматична. Интересно, что ряд томских реалий / мифологем в этом стихотворении можно отнести к общероссийским приметам периода девяностых годов (*мерсы, разбой, трупы, разборки*). Это говорит о том, что поэтесса стирает границу в том числе между Сибирью и Россией и включает свой миф в общероссийское культурное пространство.

Египетская тема прослеживается и в стихотворении «Крылатый лев»: *Крылатый Лев с пирамидой между крыл / в высоком небе перед грозой. Плыл / молочный туман над Чёрной рекой / и облака оставляли тени. Покой / нарушали только раскаты Льва, / рычанье грома. И как права Муза, / застав меня дома / здесь, в Алаево, перед грозой, / этим летящим Львом над головою.*

В приведенном стихотворении появляется фантазмагорический образ крылатого льва, пролетающий в небе над Алаево. Интерпретация стихотворения позволяет прояснить это необычное видение. Метаболическое совмещение двух миров – мира реального и фантастического, где дождевая туча превращается в рычащего льва: *крылатый Лев с пирамидой между крыл / в высоком небе перед грозой*. Метаболическому переосмыслению подвергаются аудиальные образы: *Покой / нарушали только раскаты Льва, / рычанье грома*. На синтаксическом уровне трансгрессия проявляется при помощи замены объектов звучания. Данный метаболический образ можно представить в виде схемы: звуки грома (*раскаты*) ↔ (*туча*) в виде крылатого льва (*с пирамидой между крыл*) ↔ звуки льва (*рычанье*).

Демонстрируя множественность интерпретаций разнородных связей мира, автор возвращает нас в реальное пространство своего дома (*меня дома / здесь, в Алаево, перед грозой*) – деревню Алаево, которая расположена на берегах реки Малая Черная, к западу от реки Томи. Интересно, что в личной беседе с О.Г. Комаровой мы убедились в сакраль-

ности этого места для поэтессы: «Алаево и Чёрная речка для меня абсолютно священные места... Место волшебное, и я сама, переживая Великую и Ужасную любовь, шла, трансформируясь, по тропам этим». Реальный гидроним *Чёрная река* вызывает ассоциации с рекой времени, способной переносить предметы через время и пространство, стирая границы между реальным и фантастическим мирами. Структурная модель метабола выглядит следующим образом: локальный географический объект (*Алаево*) ↔ *крылатый лев* (примета Египта) ↔ Томск фантастический (иномир).

Что касается упомянутого выше расширения пространства Томска до общероссийского, то этот процесс можно проследить и в стихотворении «Леонтию Усову». Поэтесса обращается к одной из центральных примет Томска – карикатурному памятнику Чехову работы Леонтия Усова и Максима Петрова [43]. Памятник достаточно известен не только в России, но и за ее пределами, поскольку образ великого русского писателя визуализирован в виде гротескно-стереотипного интеллигента – непропорциональный, босой, с зонтиком в руках. Подобный образ – это ироническое осмысление Леонтием Усовым нелестных замечаний самого Чехова о Томске, среди которых едкое гоголевское «свинья в ермолке», «азиатское бесправие» и «нетрезвость». Примечательно, что отдельные представители томской общественности не оценили творческое решение Усова и выступали с требованиями «прекратить безобразия и удалить скульптуру». Среди этих представителей был и литературный наставник О. Комаровой – томский писатель и поэт Сергей Заплавный [43]. Сложно сказать, повлияло ли мнение учителя на восприятие памятника самой Комаровой, но в стихотворении считается легкая ирония, которая, впрочем, по законам постмодернистской условности может быть интерпретирована и как серьезный, высокий тон: *И вот, в проходимом месте узком, / спиной – к Томи, пенсне – к Востоку, / Стоит босой Леонтий Усов – / величием подобный Блоку.*

Метабола в этом стихотворении представлена единицами, относящимися к двум реальностям – томской, провинциальной, «усовской» (*Томь, Восток, Леонтий Усов*), и столичной, высокой литературной, чеховской (чеховское *пенсне, Блок*). Невозможно установить четкую границу, за которой завершается визуализация образа скульптора Усова и начинается описание карикатурного памятника Чехову. Граница отсутствует, два образа взаимно превращаются друг в друга. В результате неумовимого и тонкого взаимного проникновения один мир становится частью другого и наоборот: скульптор Усов встает на место собственного карикатурного памятника Чехову, а русская классическая литература – упомянутый Блок и читаемый между строк Чехов – так же велика и значима, как и томский скульптор. Это проникновение миров, реализованное за счет метаболической образности, выводит читателя к вопросу о

вечном противостоянии столичного и провинциального, о центростремительном движении русской интеллигенции, гимном которому можно считать широко известное восклицание «В Москву! В Москву!» из пьесы Чехова «Три сестры». О.Г. Комарова сращивает столичное и провинциальное, слегка посмеиваясь над тем и другим (*подобный Блоку* созвучно с *подобный Богу*) и показывая, что всё есть часть единой русской культуры, границ не существует.

Заключение

Метаболическая образность в лирике О.Г. Комаровой позволяет синтезировать природное и человеческое, мифопоэтическое и бытовое, реальное и вымышленное. Созданные поэтессой миры взаимно проникают друг в друга, и эта метаболическая образность позволяет:

1) горизонтально расширить лирическое пространство Томска до пространства России, чтобы показать характерные черты и того, и другого. Томск в этом случае выступает некой моделью типичного российского города, в котором сосуществуют разные конфессии («Луна. Минарет. Муэдзины»), общероссийские приметы определенных исторических периодов (девяностые годы в стихотворении «Томск египетский») и т.д. Эту пространственную модель можно описать схемами: **Томск ↔ Россия, Томск ↔ Центры литературной карты России;**

2) горизонтально расширить пространство Томска до пространства мира: **Томск ↔ Китай / Египет / Скандинавия / мусульманский мир** и др. Это демонстрирует причастность лирической героини к человечеству в целом, принадлежность к разным культурам, стремление их осмыслить и, возможно, синергировать. Томск является наблюдательным пунктом, из которого лирическая героиня смотрит на разные эпохи, пространства, измерения. Примечательно, что в ходе личной беседы с автором мы выяснили, что О.Г. Комарова долгое время работала в Научной библиотеке ТГУ. Это предполагает позицию наблюдателя за разными странами, культурами и периодами развития цивилизации.

Лирическая героиня О.Г. Комаровой ищет себя и свое место в мире. Во время этого поиска в сборнике «Любовная песнь волчицы» поэтесса неоднократно ссылается на яркие образы-приметы Томска, в результате чего Томск предстает перед читателями отправной точкой для любого путешествия – в разные страны и эпохи, которые начинают сливаться с томскими реалиями благодаря использованию метабол. Мотивы трансгрессии как некоего перехода из одного мира в другой подчеркиваются благодаря многозначным символам, сопровождающих путешествие (*трамвай, корабль, шпалы, кавалькады мерсов*).

Вертикаль лирического пространства, которую поэтесса также часто выстраивает, возвышает лирическую героиню над миром (*астронавтка*), что, вероятно, позволяет ей взглянуть на свой земной опыт со стороны.

На основе проанализированного материала мы создали следующую модель организации пространства в произведениях О. Комаровой:

реальное ↔ метаболо = трансгрессия ↔ фантастическое,

где реальные томские локации в определенных точках пространства трансгрессируют в фантастическое, одновременно обозначая оба мира – Томск реальный и Томск фантастический.

Вариантом этой модели является модель

периферия ↔ метаболо = трансгрессия ↔ центр,

где Томск представляет периферию, при этом являясь для лирической героини, наоборот, центром, наблюдательным пунктом, а крупные города России – культурными, литературными, историческими центрами. Периферия представлена реальными образами, хорошо знакомыми и лирической героине, и томичам, что и делает ее реальной. Центр же представлен отдельными точками-вкраплениями в реальный мир, модельными для российской централизованной культуры (которая склонна игнорировать периферию), но при этом равными по значимости для лирической героини О.Г. Комаровой.

Метаболическая образность в творчестве О.Г. Комаровой как яркого представителя регионального постмодернизма является перспективным направлением для дальнейших исследований. Так, представляет интерес аспект формальной организации метаболы в поэтическом тексте. Например, опираясь на поэтические тексты О. Комаровой, можно классифицировать метаболы как синкретические и синтаксически выраженные.

Список источников

1. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература. М. : Флинта : Наука, 2001. 608 с.
2. *Ловчинский Н.А.* Современная русская постмодернистская поэзия: отличительные черты и критерии отбора материала для научного исследования // Вестник ЧелГУ. 2009. № 43. С. 95–97.
3. *Красавченко Т.Н.* Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. № 3. С. 207–217.
4. *Зубова Л.В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 512 с.
5. *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. 317 с.
6. *Галинская И.Л.* Творчество Тимура Кибирова // Вестник культурологии. 2016. № 2 (77). С. 59–61.
7. *Волин В.* Анархисты в России: поиск новых путей // Вестник бури. 2016. URL: <https://vestnikburi.com/anarhistyi-v-rossii-poisk-novyih-putey/> (дата обращения: 04.09.2024).
8. *Субъективный* путеводитель. URL: <https://varandej.livejournal.com/777352.html> (дата обращения: 04.09.2024).

9. **Неизвестная** Россия. URL: https://vk.com/unknown_russia (дата обращения: 04.09.2024).
10. **Славникова О.** Призрак Лермонтова // Октябрь. 2000. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2000/7/prizrak-lermontova.html> (дата обращения: 04.09.2024).
11. **Мельников А.** Введение в географию // Литературная Россия. 2020. № 2020 / 35. URL: <https://litrossia.ru/item/boris-ryzhij-vvedenie-v-geografiju/> (дата обращения: 04.09.2024).
12. **Комадей А.** Сон категории В (о жизни и творчестве Романа Тягунова) // Вещь. 2017. № 2. URL: <https://журнальныймир.рф/content/son-kategorii-v> (дата обращения: 04.09.2024).
13. **Азбука** имени. Роман Тягунов в воспоминаниях / сост. Н.В. Колтышева. Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2017. 238 с.
14. **Тягунов Р.** «Будь счастлив, что живешь в глуши!..» // Prosodia. Стихотворение дня. URL: <https://prosodia.ru/catalog/stikhotvorenie-dnya/roman-tyagunov-pishi-komu-i-chtoporalo/> (дата обращения: 04.09.2024).
15. **Санникова Н.** Думать о поэте // Урал. 2012. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2012/12/dumat-o-poete.html> (дата обращения: 04.09.2024).
16. **Дозморов О.** Дура-надежда // Знамя. 2024. № 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8894> (дата обращения: 04.09.2024).
17. **Озеров Сергей** // Журнальный мир. URL: <https://журнальныймир.рф/avtor/ozеров-sergey> (дата обращения: 05.09.2024).
18. **Сидоров Руслан Геннадьевич** // Библиотека им. Н.В. Гоголя г. Новокузнецка. URL: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/imya-v-istorii/sidorov> (дата обращения: 05.09.2024).
19. **Группа «Найтие»**. URL: <https://vk.com/naitiemusic> (дата обращения: 05.09.2024).
20. **Группа** памяти поэта. Руслан Сидоров. URL: <https://vk.com/club133444331> (дата обращения: 05.09.2024).
21. **Немиров В.** Стих вопиющего в Сибири // Кузнецкий рабочий. 2007. № 5. URL: https://vk.com/club133444331?w=wall-133444331_520 (дата обращения: 05.09.2024).
22. **Найтие**. Май // Сервис «Яндекс Музыка». URL: <https://music.yandex.ru/album/29157501/track/111326685> (дата обращения: 05.09.2024).
23. **Кирчанов М.В.** «Чăваш тĕнчи» как «изобретенная традиция» в поэтическом воображении чувашского модернизма и постмодернизма // Новый филологический вестник. 2022. №3 (62). С. 262–278.
24. **Ершов М.В.** Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2014. 276 с.
25. **Эпштейн М.Н.** Что такое метареализм? URL: <http://modernpoetry.ru/main/mihail-epshteyn-katalog-novyh-poezii/> (дата обращения: 23.12.2024).
26. **Эпштейн М.Н.** Что такое метабола? // Стилистика и поэтика. Тезисы всесоюзной научной конференции. Вып. 2. М. : Институт русского языка АН СССР, 1989. С. 75–80.
27. **Кедров К.** Метаметафора Алексея Парщикова. URL: [https://m.wikisource.org/wiki/Метаметафора_Алексея_Парщикова_\(Кедров\)](https://m.wikisource.org/wiki/Метаметафора_Алексея_Парщикова_(Кедров)) (дата обращения: 21.12.2024).
28. **Северская О.И.** О «синтезе поэзии, философии и науки» в современном авангарде // Митин журнал. 1989. № 25. URL: <https://kolonna.mitin.com/archive/mj25/severskaja.shtml> (дата обращения: 23.12.2024).
29. **Степанов Е.В.** Метафора. Метаметафора. Метабола // Дети Ра. 2011. № 2011. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2011/9/metafora-metametafora-metabola.html> (дата обращения: 05.09.2024).
30. **Масалов А.Е.** Морфология метабола в поэтическом языке метареализма : дис. ... канд. филол. наук. 2022. 290 с.

31. **Белехова Л.И.** Концептуальная амальгама в словесном образе-метаболе (на материале американской поэзии постмодерна) // Вестник Киевского национального лингвистического университета. Серия: Филология. 2011. Т. 14, № 1. С. 18–25.
32. **Яскевич И.** К юбилею томского поэта Ольги Комаровой // Томский литературный калейдоскоп. 2022. URL: <http://kaleidoscope.library.tomsk.ru/books/4itel/news2999/> (дата обращения: 05.09.2024).
33. **Комарова О.Г.** Любовная песнь волчицы. Томск : Красное знамя, 2007. 158 с. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-17033/> (дата обращения: 05.09.2024).
34. **Бельская Л.Л.** Как «заблудившийся трамвай» превратился в «трамвай-убийцу» // Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений. URL: <https://gumilev.ru/about/219> (дата обращения: 05.09.2024).
35. **Масалов А.Е.** Семиотика метабола. Статья 1: семантика // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1 (82). С. 122–126.
36. **Батай Ж.** Трансгрессия // Ж. Батай. История эротизма. М. : Логос, 2007. С. 69–95.
37. **Поляков Е., Рачковский П.** Дом с драконами: история и мифы // Сибирская старина. 1999. № 16 (21). С. 6–8. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-1216/> (дата обращения: 11.12.2024).
38. **Залесова П.В., Манонина Т.Н., Васина Н.В.** «Стиль драконов» в архитектуре России начала XX в. // Вестник ТГАСУ. 2020. № 4. С. 73–82.
39. **Бельшиева И.С.** Пещера Платона и Бог Ра Ольги Комаровой // Томский литературный калейдоскоп. 2024. URL: <http://kaleidoscope.library.tomsk.ru/books/4itel/news3539/> (дата обращения: 10.12.2024).
40. **Национальный корпус русского языка.** URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.07.2024).
41. **Дашковский П.К., Шеринёва Е.А.** Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX–начале XX вв. // Известия АлтГУ. 2011. № 4-1. С. 68–71.
42. **Гладченко А.** История и легенды Томских подземелий // Туристский информационный центр Томска. URL: <https://tic-tomsk.ru/новости/история-и-легенды-томских-подземелий/> (дата обращения: 10.12.2024).
43. **Памятник** Чехову // Товики: томская вики. URL: https://towiki.ru/view/Памятник_Чехову (дата обращения: 10.12.2024).

References

1. Skoropanova I.S. (2001) Russkaya postmodernistskaya literature [Russian postmodernist literature]. M. : Flinta: Nauka. 608 p.
2. Lovchinskij N.A. (2009) Sovremennaya russkaya postmodernistskaya poeziya: otlichitel'nye cherty i kriterii otbora materiala dlya nauchnogo issledovaniya [Contemporary Russian postmodernist poetry: Distinguishing features and selection criteria for research projects] // Vestnik ChelGU. 43. pp. 95–97.
3. Krasavchenko T.N. (2018) Postmodernizm mertv? Diskussii v angloyazychnoj kritike [Is postmodernism dead? The discussions in English-speaking criticism] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal. 3. pp. 207–217.
4. Zubova L.V. (2000) Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka [Contemporary Russian poetry in terms of the language history]. M. : Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.
5. Lipoveckij M.N. (1997) Russkij postmodernizm. Oчерки istoricheskoy poetiki [Russian postmodernism. Essays on historical poetics]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural. gos. ped. un-ta. 317 p.
6. Galinskaya I.L. (2016) Tvorchestvo Timura Kibirova [Timur Kibirov's poetry] // Vestnik kul'turologii. 2 (77). pp. 59–61.

7. Volin V. (2016) Anarhisty v Rossii: poisk novyh putej [Anarchists in Russia: Searching for the new paths] // Vestnik buri. URL: <https://vestnikburi.com/anarhistyi-v-rossii-poisk-novyih-putej/> (Accessed: 04.09.2024).
8. Sub'ektivnyj putevoditel' [Subjective tour guide]. URL: <https://varandej.livejournal.com/777352.html> (Accessed: 04.09.2024).
9. Neizvestnaya Rossiya [Unknown Russia]. URL: https://vk.com/unknown_russia (Accessed: 04.09.2024).
10. Slavnikova O. (2000) Prizrak Lermontova [Lermontov's Ghost] // Oktyabr'. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2000/7/prizrak-lermontova.html> (Accessed: 04.09.2024).
11. Mel'nikov A. (2020) Vvedenie v geografiju [Introduction to geography] // Literaturnaya Rossiya. 35. URL: <https://litrossia.ru/item/boris-ryzhij-vvedenie-v-geografiju/> (Accessed: 04.09.2024).
12. Komadej A. (2017) Son kategorii V (o zhizni i tvorchestve Romana Tyagunova) [V Category Dream: Life and Works of Roman Tyagunov] // Veshch'. 2. URL: <https://zhurnal'nyjmir.rf/content/son-kategorii-v> (Accessed: 04.09.2024).
13. Azbuka imeni. Roman Tyagunov v vospominaniyah [The alphabet of a name. Remembering Roman Tyagunov] (2017) / Ed. N.V. Koltysheva. Ekaterinburg : Kabinetnyj uchyonyj. 238 p.
14. Tyagunov R. (1987) Bud' schastliv, chto zhivesh' v glushi! [Be Happy Living in the Outskirts] // Prosodia. Stihotvorenie dnya. URL: <https://prosodia.ru/catalog/stihotvorenien-dnya/roman-tyagunov-pishi-komu-i-chto-popalo/> (Accessed: 04.09.2024).
15. Sannikova N. (2012) Dumat' o poete [Thinking about the poet] // Ural. 12. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2012/12/dumat-o-poete.html> (Accessed 04.09.2024).
16. Dozmorov O. (2024) Dura-nadezhda [Foolish Hope] // Znamya. 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8894> (Accessed: 04.09.2024).
17. Ozerov Sergej [Ozerov Sergei] // Zhurnal'nyj mir. URL: <https://zhurnal'nyjmir.rf/avtor/ozerov-sergey> (Accessed: 05.09.2024).
18. Sidorov Ruslan Gennad'evich [Sidorov Ruslan Gennadievich] // Biblioteka im. N.V. Gogolya g. Novokuznecka. URL: <https://libnvkz.ru/chitateljam/о-novokuznetske/imya-v-istorii/sidorov> (Accessed: 05.09.2024).
19. Gruppa "Naitie" [Naitie band]. URL: <https://vk.com/naitiemusic> (Accessed: 05.09.2024).
20. Gruppa pamyati poeta. Ruslan Sidorov [In memory of the poet Ruslan Sidorov]. URL: <https://vk.com/club133444331> (Accessed: 05.09.2024).
21. Nemirov V. (2007) Stih vopiyushchego v Sibiri [The screaming verse from Siberia] // Kuznetskij rabochij. 5. URL: https://vk.com/club133444331?w=wall-133444331_520 (Accessed: 05.09.2024).
22. Naitie. Maj [Naitie band. May] (2021) // Yandex Music. URL: <https://music.yandex.ru/album/29157501/track/111326685> (Accessed: 05.09.2024).
23. Kirchanov M.V. (2022) "Chăvash tēnchi" kak "izobretnaya tradiciya" v poeticheskom voobrazhenii chuvashskogo modernizma i postmodernizma ["Chăvash tēnchi" as an invented tradition in the poetic imaginary of the Chuvash modernism and postmodernism] // Novyj filologicheskij vestnik. 3 (62). pp. 262–278.
24. Ershov M.V. (2014) Sociokul'turnaya evolyuciya obrazov ochelovechennogo prostranstva: obshcheteoreticheskie i konkretno-istoricheskie aspekty [Sociocultural evolution of the public space imagery: theoretical background and historical aspects]. Hanty-Mansijsk : Pechatnyj mir. 276 p.
25. Epstein M.N. (1986) Chto takoe metarealizm? [What is metarealism?] URL: <http://modernpoetry.ru/main/mihail-epshteyn-katalog-novyh-poezii> (Accessed: 23.12.2024).
26. Epstein M.N. (1989) Chto takoe metabola? [What is metabole?] // Stilistika i poetika. Tezisy vsesoyuznoj nauchnoj konferencii. Vyp. 2. M. : Institut russkogo yazyka AN SSSR. pp. 75–80.

27. Kedrov K. (1984) Metametafora Aleksey'a Parshchikova [Alexey's Parshchikov's metametaphor]. URL: [https://m.wikisource.org/wiki/Метаметафора_Алексея_Парщикова_\(Кедров\)](https://m.wikisource.org/wiki/Метаметафора_Алексея_Парщикова_(Кедров)) (Accessed: 21.12.2024).
28. Severskaya O.I. (1989) О "sinteze poezii, filosofii i nauki" v sovremennom avangarde [On the 'synthesis of poetry, philosophy, and science in contemporary avant-garde'] // Mitin zhurnal. 25. URL: <https://kolonna.mitin.com/archive/mj25/severskaja.shtml> (Accessed: 23.12.2024).
29. Stepanov E.V. (2011) Metafora. Metametafora. Metabola [Metaphor. Metametaphor. Metabole] // Deti Ra. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2011/9/metafora-metametafora-metabola.html> (Accessed: 05.09.2024).
30. Masalov A.E. (2022) Morfologiya metaboly v poeticheskom yazyke metarealizma [The morphology of metaboly in the poetic language of metarealism]. Philology cand. dis. 290 p.
31. Belekhova L.I. (2011) Konceptual'naya amal'gama v slovesnom obraze-metabole (na materiale amerikanskoy poezii postmoderna) [The conceptual amalgam of a verbal metabolic image in American postmodernist poetry] // Vestnik Kievskogo nacional'nogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Filologiya. 14 (1). pp. 18–25.
32. Yaskevich I. (2022) K yubileyu tomskogo poeta Ol'gi Komarovo [On the anniversary of Tomsk poetess Olga Komarova] // Tomsnij literaturnyj kalejdoskop. 2022. URL: <http://kaleidoscope.library.tomsk.ru/books/4itatel/news2999/> (Accessed: 05.09.2024).
33. Komarova O.G. (2007) Lyubovnaya pesn' volchitsy [Love Song of the She-Wolf]. Tomsk: Krasnoe znamya. 158 p. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-17033/> (Accessed: 05.09.2024).
34. Bel'skaya L.L. (1998) Kak "zabludivshijsya tramvaj" prevratilsya v "tramvaj-ubijcu" [The wandering tram turning into the killing tram] // Nikolaj Gumilev. Elektronnoe sobranie sochinenij. URL: <https://gumilev.ru/about/219> (Accessed: 05.09.2024).
35. Masalov A.E. (2019) Semiotika metaboly. Stat'ya 1: semantika [The semiotics of metabole. Part 1: Semantics] // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 1 (82). pp. 122–126.
36. Bataj Zh. (2007) Transgressiya [Transgression] // Zh. Bataj. Istoriya erotizma. M.: Logos. pp. 69–95.
37. Polyakov E., Rachkovskij P. (1999) Dom s drakonami: istoriya i mify [The house with dragons: History and myths] // Sibirskaya starina. 16 (21). pp. 6–8. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-1216/> (Accessed: 11.12.2024).
38. Zalesova P.V., Manonina T.N., Vasina N.V. (2020) "Stil' drakonov" v arhitekture Rossii nachala XX v. ["Dragon style" in Russian architecture of the early 20th century] // Vestnik TGSU. 4. pp. 73–82.
39. Belysheva I.S. (2024) Peshchera Platona i Bog Ra Ol'gi Komarovo [Plato's Cave and God Ra by Olga Komarova] // Tomsnij literaturnyj kalejdoskop. URL: <http://kaleidoscope.library.tomsk.ru/books/4itatel/news3539/> (Accessed: 10.12.2024).
40. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (Accessed: 03.07.2024).
41. Dashkovskij P.K., Shershnyova E.A. (2011) Musul'manskoe obrazovanie v Zapadnoj Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Muslim education in West Siberia in 19th and early 20th centuries] // Izvestiya AltGU. 4-1. pp. 68–71.
42. Gladchenko A. Istoriya i legendy Tomskih podzemelij [The history and legends of Tomsk underground] // Turistskij informacionnyj centr Tomska. URL: <https://tic-tomsk.ru/новости/история-и-легенды-томских-подземелий/> (Accessed: 10.12.2024).
43. Pamyatnik Chekhovu [Chekhov's Monument] // Toviki: tomskaya viki. URL: https://towiki.ru/view/Памятник_Чехову (Accessed: 10.12.2024).

Информация об авторах:

Верхотурова Н.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: natverk@rambler.ru

Зорина Н.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: nad514@yandex.ru

Кока А.О. – преподаватель кафедры английского языка в сфере научной коммуникации, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: kozlova.nasty2012@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Verkhoturova N.A., Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: natverk@rambler.ru

Zorina N.V., Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nad514@yandex.ru

Koka A.O., Lecturer of the Department of English in Science Communication, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kozlova.nasty2012@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 06.03.2025; принята к публикации 28.07.2025

Received 06.03.2025; accepted for publication 28.07.2025